

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Урбушева Айдына Урматовича

«Наскальное искусство Горного Алтая

эпохи раннего средневековья», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология

Диссертационное исследование Урбушева Айдына Урматовича посвящено анализу одного из сложнейших исторических источников, какими являются наскальные изображения. Исследователем выделена основная область распространения рисунков изучаемого им исторического периода – эпохи раннего средневековья, – Горный Алтай, наскальное искусство которого и подвергнуто анализу. Следует учитывать, что петроглифы рассматриваемой эпохи нередко выполнены в разных техниках, в том числе в технике гравирования или резьбы по каменной поверхности. Они чрезвычайно реалистичны, но крайне сложны для документирования. Рисунки, выполненные пикетажем, как правило, не столь выветрены, как гравированные, которые нередко нанесены тончайшими линиями и порой практически не видны простым глазом. Для их выявления и документирования требуются особые профессиональные навыки и хорошая техника.

Не вызывает сомнения актуальность настоящего исследования. Наскальные рисунки, являясь неотъемлемой частью источниковой базы по раннесредневековой истории Горного Алтая, помогают открывать новые, ранее неизвестные страницы истории не только этого региона, но и шире – всей Центральной Азии. Оружие и предметы быта, открытые в захоронениях, при помощи наскальных изображений «оживляют» некоторые страницы истории: в наскальных сценах воины скачут на конях с луками (в них запечатлена и форма самого лука, и наконечники стрел), с копьями и пиками (мы видим их длину, позу воина при их применении) в руках, в одеждах и головных уборах

или с характерными прическами и др.); они мчатся, преследуя животных на охоте, совершают ритуальные действия с предметами, предназначение которых не всегда понятно по вещественным материалам, и т. д. Уже одно это расширяет изобразительный ряд, связанный с предметами, на которых резьбой переданы аналогичные сюжеты. Наскальных рисунков в разы больше, и сюжетно они разнообразнее: помимо сцен батальных, охотничьих, это и изображения диких животных, мирно обитающих в своей естественной природной среде, а также и немногочисленные сцены и сюжеты, связанные с мировоззренческой или бытовой сторонами жизнедеятельности раннесредневекового населения Горного Алтая. Поэтому у меня нет никаких сомнений в важности изучения целого комплекса вопросов, связанных с раннесредневековыми рисунками такой важной в историческом контексте территории, как Горный Алтай.

Пожалуй, некоторое сомнение вызывает лишь мнение диссертанта о том, что раннесредневековые рисунки служили «своеобразным средством сохранения и передачи информации». Кому и для чего они *передавали* такую информацию? Будущим поколениям? Или современникам? Если да, то для чего? Следовало бы поконкретнее осветить это положение.

Далее во введении довольно четко определены цель и задачи диссертации. Цель исследования – охарактеризовать наскальные изображения Горного Алтая эпохи раннего средневековья как объектов археологии для выявления их особенностей, определения художественных традиций и узкой культурно-хронологической атрибуции.

На мой взгляд, следовало бы поконкретнее охарактеризовать источниковую базу: сколько использовано самостоятельно выявленных рисунков, сколько привлечено опубликованных изображений и т. д.

Степень изученности проблемы изложена с самостоятельным выделением трех этапов изучения раннесредневековых петроглифов и оценкой каждого из них. Автор исследования приходит к выводу, что формирование серьезного научного интереса к тюркским изобразительным древностям

Горного Алтая происходило на протяжении более двух столетий и было связано как с накоплением банка данных самих изображений, так и с расширением археологического изучения памятников региона, то есть той основы, которая позволила понять хронологию, место и роль наскальных изображений в сфере этнических и культурных взаимодействий в регионе.

Методология и методы исследования выбраны не случайно и отображают исследовательский процесс настоящего исследования.

Научная новизна диссертации также не вызывает сомнений. Прежде всего Айдын Урматович Урбушев отмечает самостоятельность проведенных работ на ряде памятников Горного Алтая и, как результат, получение нового оригинального материала, углубляющего знания о раннесредневековом пласте изображений, результаты анализа которого и представлены в исследовании. Произведен стилистический и семантический анализы, определена хронология наскальных изображений на территории Горного Алтая.

Отмечена практическая и теоретическая значимость диссертации. Я полагаю, что следовало бы отметить и такой важнейший аспект, как должно внесение их в базу данных наскальных изображений Центральной Азии, причем во всей совокупности выполненных работ, включая комплекс данных о самих памятниках и отдельных плоскостях на них – видовые и детальные фотографии памятников и плоскостей с изображениями; прорисовки; описания; пространственные данные (в том числе картографические материалы, ситуационные и топографические планы) и др., выполненные автором на высоком уровне. Ведь, что греха таить, очень часто один исследователь, сменяя другого, исследует один и тот же памятник, нередко при отсутствии определенных профессиональных навыков нанося вред гравированным изображениям, которые обводятся цветными карандашами, мелками, заостренными палочками и спичками и т. п. Внесение материалов в базу данных (есть специальные грантовые проекты), а также своевременная монографическая публикация материалов даст возможность сохранения

изображений для потомков и, возможно, снизит поток исследователей, приходящих на памятники с сиюминутными целями.

На защиту вынесены 4 положения. Первое затрагивает страницы истории изучения памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья и намечают путь от простого накопления знаний по петроглифам Горного Алтая до оценки и использования их как отдельного вида источников, позволяющих современным исследователям расширять знания о многих аспектах жизни и мировоззренческой составляющей раннесредневекового населения Алтая. Во втором положении автор обращает внимание на определенные закономерности размещения памятников, содержащих раннесредневековые изображения. Он приходит к выводу, что выбирались такие места не случайно, выбор был обусловлен пригодностью окружающей территории для ведения хозяйственной деятельности, нередко вблизи рек и мест их слияния. Особенно выделяется размещение изображений на скальных выходах в нижней или средней частях склонов горной гряды, образующих урочища, в котловинах, а также на участках, где образованы природные ограждения. У меня возник вопрос: а для изображений других хронологических пластов имелись иные закономерности? Можно ли выявить места, в которые люди приходили многократно, оставляя новые рисунки на скалах?

Третье положение касается выявления «существенных стилистических отличий наскального искусства Горного Алтая», сложившегося в эпоху раннего средневековья «от изображений Саяно-Алтайского региона и Центральной Азии» и отмечаются три стилистических группы рисунков. Но поскольку в положении отсутствует расшифровка этих «отличий» и отмечается, что «тем не менее художественная традиция и сюжетно-семантическая составляющие наскального искусства имеют общие элементы с памятниками других сопредельных регионов (Тува, Монголия, Китай и Казахстан), то напрашивается вопрос об общем и особенном в стилистике

наскального искусства Горного Алтая и сопредельных территорий в рассматриваемое время.

В четвертом положении развитие наскального искусства эпохи раннего средневековья Горного Алтая соотносится с двумя начальными этапами древнетюркской археологической культуры: кудыргинским и катандинским. Такие выводы представляются вполне обоснованными.

Основные положения диссертации были апробированы не только на молодежных форумах, но и на всероссийских и международных конференциях.

Глава 1 посвящена *историографии изучения памятников наскального искусства Горного Алтая*. Она написана живым языком, в ней привлечен большое количество литературы и архивных данных. Поскольку я уже отмечала важность выделения определенных этапов в истории изучения раннесредневековых изображений, предложенных автором диссертации, остановлюсь только на отдельных существенных моментах. Первое, что касается вопроса о расчистке плоскостей с изображениями от биообрастателей (с. 44). Диссертант отмечает, что до настоящего времени в археологической науке до сих пор продолжается спор по поводу очистки наскальных поверхностей с рисунками от лишайников и при этом приводится сноска на работу 2004 года. Я, пожалуй, не припомню особых дискуссий на эту тему среди профессиональных археологов, которые проходили бы в последние годы, поскольку до настоящего времени нет никаких способов выявить гравированные изображения, скрытые лишайниками, для изучения. Не помогло 3d сканирование, на которое возлагались большие надежды, а других методов пока не предложено. Я понимаю, что порой талломы так глубоко въедаются в поверхность камня, что очень активно разрушают ее. Но щадящая расчистка с использованием чистой воды и капроновых щеток, проведенная однократно, не приносит того вреда, который может оказать сам лишайник.

Еще один момент касается выстреженных грив у коней. Алдын Урматович Урбушев пишет, что в работах В. В. Горбунова, использовавшего

для реконструкции оборонительного и наступательного вооружения на Алтае в I тыс. н. э. использовал наскальные изображения. Итогом этих масштабных работ стали наиболее полные классификации вооружения оборонительного и наступательного характера. Вместе с тем, не со всеми историко-культурными интерпретациями автора, касающимися наскальных гравировок, диссертант соглашается. Он отмечает, что одну фигуру всадника из памятника Сары-Кобы «по стилю рисунка и изображенным реалиям» и близостью к материалам булан-кобинского могильника Горбунов датировал II-III вв. н. э. «Однако, по воспроизведенным реалиям тюркского периода, в частности, выстриженной гриве в виде торчащих трех зубцов, данную фигуру вероятнее всего следует отнести к раннему средневековью» (с. 47-48). Не соглашусь, потому, что традиция выстрегать гривы у коней зубцами, и «городками», заплетать хвосты и подвязывать их, сложилась очень давно, первое из подобных изображений можно встретить уже в микенских материалах, затем на коврах из замерзших курганов Алтая, а также в наскальном искусстве скифской эпохи в Южной Сибири (тагарская и тесинская археологические культуры), что вполне согласуется с выводами В. В. Горбунова.

Ну, и поскольку автор знаком с кандидатской диссертацией А. Н. Мухаревой, которая проанализировала сюжетные композиции в изобразительном искусстве Саяно-Алтая эпохи раннего средневековья, думаю, было бы правильно провести сравнительный анализ между одновременными изображениями двух регионов.

Замечу, что, несмотря на оптимистичные представления диссертанта о третьем, современном этапе исследования средневековых рисунков Горного Алтая, все основные публикации, приведенные автором, относятся к первому десятилетию 2000-х гг., а все последние публикации связаны, главным образом с именем Айдына Умаровича Урбушева. Возможно, следовало бы обратить внимание на некоторый спад исследовательского интереса к петроглифам Горного Алтая.

Глава 2 посвящена *локально-топографическим характеристикам памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья*. В данном разделе было продемонстрировано знание диссертантом современных методик полевой и лабораторной обработки материалов и на их основе охарактеризованы основные территории и конкретные памятники с изображениями рассматриваемой эпохи. Единственное, что осталось не отмеченным, производилось ли контактное копирование, либо автор использовал исключительно бесконтактные методы исследования.

В главе 3 *представлены сюжетно-стилистический анализ и семантика петроглифов Горного Алтая эпохи раннего средневековья*.

По моему мнению, раздел «терминология» очень уместен в настоящей работе, ведь несмотря на прилагаемые усилия, все еще в работах специалистов по наскальному искусству используется совершенно разная терминология, в том числе, появляются новые термины, например, вместо словосочетания «плоскость с изображениями» стали использовать слово «поверхность» и т. д. Поэтом логично было начать анализ материалов с раздела «терминология».

В разделе 3.1. охарактеризованы три основные группы изображений, что, несомненно, является ценной частью работы, но, к сожалению, глава получилась как бы незавершенной, поскольку автор даже не стал пытаться выявить общие для всей Центральной Азии стилистические черты, набор образов и тем, ведь регион не был изолирован от общих исторических процессов, и исследователи петроглифов Южной Сибири так же нередко привлекают алтайские материалы для датировки и интерпретации наскальных композиций южносибирских памятников. Сам же автор отмечает, что «формирование стилей рисунков Горного Алтая могло происходить в результате взаимных контактов с уже сформировавшими свои эстетические идеалы в наскальном искусстве другими этническими группами Саяно-Алтайского региона, в частности, и Центральной Азии в целом» (с. 111). При этом диссертант ссылается на работу А. Н. Мухаревой, отмечая, что

«определить, какие элементы художественной традиции в наскальном искусстве Алтая были заимствованы, а какие распространились за его пределы, на сегодняшний день представляется *сложным*» (с. 112). При этом диссертант нередко обращается к этой работе, отмечая при этом, что защищена она была 15 лет назад. Думаю, что попытка сопоставления сюжетно-стилистических характеристик хотя бы Минусинской котловины и Горного Алтая только бы придала вес и значение для диссертации.

Раздел 3.2. связан с интерпретацией материалов, и мне представляется очень важным для настоящей работы. Просматривая список использованной литературы, становится совершенно очевидным уровень квалификации исследователя. Тем не менее, в разделе я не увидела анализа тех сцен, которые были выявлены самим автором, нет их интерпретации. А ведь это совершенно новые материалы. На будущее могла бы порекомендовать – и для хронологической атрибуции, и для интерпретации изображений неплохо привести сводные таблицы, в которых были бы собраны основные виды оружия (луки, стрелы, копья, знамена и проч.), одежда, прически и проч. тех персонажей, о которых идет речь, что, безусловно, не только иллюстрировало бы позиции автора, но и придавало вес аргументации. Важно было бы привести расшифровку надписей, чтобы понять их связь или ее отсутствие с изображениями. Полагаю, что каждому из сюжетов следовало бы уделить отдельное место, и, например, расширить раздел по изображениям птиц, приведенный в следующем разделе, поскольку это один из редких сюжетов в рассматриваемую эпоху, но очень распространенный в предшествующее время в наскальном искусстве Центральной Азии.

3.1. В разделе 3.3. приведены представления автора об эволюция наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья

Этот раздел представляется мне наиболее самостоятельным и важным в настоящей работе. В нем автором выделены три самостоятельные хронологические группы в развитии наскального искусства Алтая. Он приходит к справедливому выводу, что «учитывая прослеженную тенденцию

развития наскального искусства раннего средневековья от сложности к схематизму, от движения к статике, можно предположить, что нанесение изображений на скальные плоскости», как вид искусства претерпевало кризисные явления, которые привели к тому, что изображение реальных и других характерных особенностей становилось необязательным. И делается предположение, что так называемое “вырождение” стиля было связано с постоянно протекавшими междоусобными распрями внутри самого каганата, внешними военными неудачами и, в конце концов, падением некогда могущественной тюркской империи. Таким образом автор исследования предпринял попытки связать эволюцию раннесредневековых изображений с происходившими историческими событиями.

К сожалению, вне характеристики остались изображения, выполненные в другой технике – технике пикетажа.

В заключении приводятся основные выводы, соответствующие поставленным во Введении цели и задачам исследования. Хочу остановиться только на одном отмеченном в Заключении аспекте – о закономерностях расположения памятников наскального искусства, которые «указывают на предпочтение возвышенностей и открытых участков, хорошо освещаемых солнцем, вблизи рек и урочищ. Эти особенности подтверждают связь древнетюркской культуры с природным окружением, что отражает её мировоззренческие и ритуальные аспекты» (с. 140). В целом соглашаясь с таким выводом, хочу отметить, что эти закономерности не являются спецификой наскального искусства исключительно только этого периода. Далее и сам автор пишет о том, что наличие поблизости курганных групп *различных эпох* указывает на сложное взаимодействие культурных традиций.

Приведенный список использованных источников и литературы – 216 наименований – свидетельствует о высокой профессиональной подготовке соискателя. Отдельно похвальное слово хочется сказать о приведенном иллюстративном материале, выполненном на высоком уровне, я бы хотела особо подчеркнуть, что Айдын Урматович Урбушев – не кабинетный ученый –

он активно занимается полевой работой, что, безусловно, придает ему уверенность в приводимых в диссертации наблюдениях и оценках. Такие специалисты в настоящее время очень востребованы, и я надеюсь, что Горный Алтай получит квалифицированного специалиста, который приложит все усилия для сохранения историко-культурного наследия края.

Высказанные замечания и предложения являются, скорее, пожеланиями на будущее и не влияют на положительную оценку диссертации А. У. Урбушева. Представленная работа является завершенным комплексным исследованием, характеризующимся самостоятельностью научных подходов, новизной и значимостью для продолжения научных изысканий в данной области археологии, вносит существенный вклад в развитие исторической науки.

Материалы диссертации получили достаточную апробацию в докладах на научных конференциях и авторских публикациях по теме исследования. Текст автореферата полностью отражает содержание работы.

Диссертация Айдына Урматовича Урбушева «Наскальное искусство Горного Алтая эпохи раннего средневековья», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук отвечает требованиям пунктов 9, 10, 11 и 13 Постановления Правительства Российской Федерации № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 г. (ред. от 16.10.2024 г.), а автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
специальность 07.00.06 – Археология
заведующая кафедрой археологии
федерального государственного
образовательного учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
директор Института истории и международных
отношений КеМГУ

2 июня 2025 г.

О.С. Советова

Подпись
Заверяю:
Начальник о/к

Советова О.С.
Урбушев А.У.
02 ИЮН 2025

ФГБОУ ВО "КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"
КЕМГУ КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Тел.: +7 906 922 37 12

Электронная почта: olgasovetova@yandex.ru

Советова Ольга Сергеевна